

И с разискреннею силищей
кроют
мрачные от желчи:
«Понастроили страшилищей,
сволочи,
Микел Анжельчи»
В.Маяковский

Если верна мысль Достоевского о том, что "красота мир спасет", то не менее верно и обратное положение — безобразие и уродство мир погубят. По-немногу преображающаяся сейчас Москва дает многочисленные примеры как первого, так и второго.

Любая восстановленная церковь или старое здание — праздник для глаз, вспоминаются как нечто забытое, но желанное и необходимое, выглядят давно знакомыми, "московскими". Новые же добавления, те же памятники — от Высоцкого до Жукова, можно рассматривать лишь с оговорками, ни один из них не убеждает ни в своей необходимости в данном пространстве, ни в бесспорности своего художественного решения.

Вновь воздвигнутый Храм Христа Спасителя настолько встал на свое место, что можно только поражаться: как же мы обходились без него, как же Москва в течение стольких десятилетий могла существовать с дырой на своем теле, с парообразующей ямой (бассейном) в самом центре города. Золотой купол Храма перекликается с кремлевскими соборами, возникает в перспективе с самых неожиданных точек Арбата и Замоскворечья.

Но, выйдя на берег Москвы-реки, на-ткаешься на совсем другое новшество — уже смонтированный памятник Петру Первому. Здесь остается лишь руками развести: какая нужда историческая или политическая заставила городские власти этот памятник морепроходцу Петру (который к тому же при всех его заслугах Москву все-таки не очень жаловал и перенес столицу в Петербург) ставить в этом месте и в это время?

Конечно, всему предшествуют эсте-

Сомнительная красота

Зураб Церетели. Памятник Петру Первому.

тические резоны, и был бы памятник художественно убедителен — все замечания отошли бы на второй план. Известно, что всякая новизна может вызвать сопротивление консерваторов; вспоминают к случаю первоначальное не-приятие парижанами Эйфелевой башни. Но башня Эйфеля была в ту эпоху новаторским инженерным сооружением и со временем убедила всех в своей пластической красоте и вписалась в пейзаж Парижа (как Шуховская в пейзаж Москвы). О памятнике Петру даже смешно задаваться подобным вопросом: он удручающе беспомощен, некрасив, главное — несвременен, архаичен, напоминает своими снастями и мачтами заплывшуюся кулису из помпезного, но давно уже освистанного историей и снятого с репертуара спектакля.

Где, в какой еще мировой провинции, муниципальные власти согласились бы на установку такого вот монстра, на подобное эстетическое засорение окружающей среды? Автор этого памятника уже прославился крайне неудачным

скульптурно-архитектурным комплексом на Поклонной горе (который иногда называют "муха на игле" — по созданному им зрительному образу). Но Поклонная гора находится хотя бы не в центре города, а здесь же сооружению отдан один из живописнейших уголков городского пейзажа — у Москвы-реки, рядом со старинным Кремлем.

Беда еще и в том, что памятник этот никак не связан со своим окружением, он там случаен. Он напрочь лишен основного качества, необходимого любому монументу, а именно — монументальности. Сделанный в статуточно-бутафорском стиле, он в виде миниатюры еще мог бы красоваться на каком-нибудь комоде в невысокого вкуса мещанской квартире. Здесь же, вознесенный на десятки метров ввысь, он лишь кичится своими размерами и оставляет зрителя недоуменным вопросом: кто и как мог допустить его появление? При осмотре с Крымского моста памятник выглядит выше находящегося неподалеку Храма Христа Спасителя, в три-четыре раза

выше всех городских горизонталей, перечеркивает собою Кремль.

Если конкуренция является неотъемлемым условием экономического процветания, то соревновательность, конкурсная основа должны стать главным положением художественной политики. Там, где речь идет о монументальных сооружениях, пересоздающих городской ландшафт (особенно в старой части города), лишь открытые конкурсы с широким обсуждением проектов в печати, возможно, дадут приемлемые результаты. Очевидно также, что любая мало-мальски компетентная комиссия из специалистов забраковала бы этот безумный, но дорогостоящий проект еще до его возведения. А что теперь — организовывать сбор народных средств на его демонтаж?

Есть очевидное противоречие в понятиях "переходная эпоха" и "монументальное сооружение". "Переходное" — то, что скоро кончится, завершится, сменится чем-то другим, более постоянным. "Монументальное" — то, что останется на века или хотя бы десятилетия, будет сопровождать жизнь поколений, формировать их вкус.

Вспоминается Маяковский, протестовавший в конце двадцатых против излишней монументальной пропаганды:

Штопали б
домам
бока
да очистили бы грязь вы
Мы бы
обошлись пока
Гоголем
да Тимирязевым.

Под "Гоголем" имелся в виду, конечно, андреевский памятник (не пришла ли ему пора занять прежнее место?). Этими памятниками и сейчас можно бы обойтись.

ИГОРЬ ШЕЛКОВСКИЙ

Париж

Русская мысль - париж - 1991 - 13-19 марта - с. 14